

Выступление адвоката Александра Савина в прениях сторон по уголовному делу в отношении Заремы Мусаевой

Сокращенная версия с основными тезисами защиты

Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, в отношении Мусаевой З.А. выдвинуто два обвинения: по ч. 3 ст. 159 УК, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное группой лиц по предварительному сговору в крупном размере и по ч. 2 ст. 318 УК, то есть в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Сторона защиты убеждена, что ни одно из указанных преступлений Мусаева не совершала и остановится на каждом из обвинений отдельно, чтобы наглядно доказать это суду.

Что касается обвинения по ч. 3 ст. 159 УК, следствие утверждает, что примерно в июне-июле 2017 г., Мусаева предложила Азимовой реализовать мошенническую схему с кредитами. Азимова действительно это сделала, однако единолично и **уже в 2019 году**. В судебном заседании по делу Азимовой заслушали множество свидетелей. Никто не указал на Мусаеву, более того, **они узнали о якобы ее роли в преступной схеме лишь во время суда**.

Обвинение утверждает, что Азимова передала Мусаевой 200 тысяч рублей, якобы за ее участие. Однако в деле нет никаких доказательств: деньги не поступали на счет, между Мусаевой и Азимовой не было ни одного телефонного соединения или объективного свидетельства, что женщины вообще встречались ранее.

Согласно материалам уголовного дела, 06 октября 2021 года Азимовой предъявили обвинение. 11 февраля 2022 года, **то есть уже после доставления Мусаевой в Чеченскую Республику**, постановлением Ленинского районного суда Азимову заключили под стражу на один месяц. Женщина соглашается на досудебное соглашение и дает показания против Мусаевой. После этого Азимову отпускают под домашний арест.

Никаких показаний незаинтересованных лиц, которые бы изобличали Мусаеву, в уголовном деле не существует. Кроме того, защита заявила о недопустимости ряда доказательств по эпизоду обвинения, поскольку они были составлены и представлены суду в нарушении уголовно-процессуального закона. Но самое главное — совершенно не ясно, в чем именно заключалась роль Мусаевой в этом преступлении.

Перейдем к обвинению по ч. 2 ст. 318 УК

Следствие утверждает, что примерно, в **19 часов 20 минут**, 21.01.2022 года, Мусаева, находясь в отделе полиции № 1 УМВД России по г. Грозный, применила в отношении полицейского Абдулхамидова насилие опасное для жизни и

здоровья. Женщина ухватилась за левую щеку полицейского и причинила ему телесные повреждения в виде ссадины и раны левой скулы.

Согласно доказательств исследованных в судебном заседании, **с 18 часов 50 минут до 19 часов 10 минут**, Мусаева была на допросе у следователя. По словам Заремы у нее была сильная слабость, головокружение, она периодически впадала в обморочные состояния (у женщины диабет и она сутки провела без необходимой пищи)

После допроса ее отвели в актовый зал отдел полиции на втором этаже, где она на видеокамеру говорила с уполномоченным по правам человека в Чеченской Республике – Солтаевым. Эту запись в тот же день распространили в СМИ.

Затем Мусаеву отвели на первый этаж отдела полиции, где она села на стул, потому что плохо себя чувствовала. Затем Зарему вновь отвели в актовый зал и сотрудники полиции стали требовать от женщины подписать протокол об административном правонарушении. В нем указывается, что она совершила мелкое хулиганство, а именно публично выражалась грубой нецензурной бранью возле дежурной части. Мусаева отказалась от подписания протокола, однако это не помешало суду признать её виновной и назначит административное наказание в виде пятнадцати суток ареста.

01.02.2022 Мусаева к своему удивлению узнала, что в тот день она не только **нецензурно выражалась, но и применила насилие к полицейскому Магомеду бдулхамидову.**

Полицейский Абдулхамидов во время допроса рассказал, что **после 19:00** он услышал, что какая-то женщина ругается в фойе отдела полиции. Он сел составлять в отношении Мусаевой протокол на что она якобы сказала, что выколет ему глаз и вцепилась ногтями в левую часть лица. От этого он потерял равновесие и упал со стула.

Сторона обвинения представила показания сотрудников отдела полиции № 1 УМВД России по г. Грозный:

Свидетель Хусаинов провел допрос Мусаевой в своем служебном кабинете, на третьем этаже. Допрос велся, в период с 18 часов 50 минут, по 19 часов 10 минут. В тот же вечер он узнал, что в отношении Мусаевой был составлен административный материал, потому что она применила насилие в отношении уполномоченного отдела полиции Магомеда Абдулхамидова. Источник своей осведомленности свидетель не указал.

Свидетель Амаев пояснил, что самого инцидента он не видел, он видел, что некая женщина «лет 50» разговаривала с полицейским на повышенных тонах возле дежурной части, на левой стороне лица Абдулхамидова были царапины. Кто именно ему пояснил, что это Мусаева нанесла вред здоровью Абдулхамидова он не помнит.

Свидетель Мовсаров рассказал, что 21 января между 19 и 20 часами, он проходил мимо дежурной части отдела полиции № 1. Он увидел, что женщина в возрасте 50 - 55-лет, агрессивно себя ведет и кричит. У одного сотрудника он увидел небольшую ссадину левой части лица. О том, что эта женщина была

Мусаевой, и именно она нанесла травмы Абдулхамидову он узнал через день, «в курилке от ребят».

Свидетель Асхабов рассказал, что, где-то в 19 ч.15 м., до него начали доноситься крики женщины. Он увидел, что Мусаева, которая **стояла позади** Абдулхамидова, левой рукой схватила его за щеку и поцарапала. Также, свидетель пояснил, что в отделе полиции находятся множество видеокамер, но все они работают только в режиме он-лайн трансляции. Защита обращает внимание суда, что Асхабов ни о каком падении потерпевшего Абдулхамидова со стула не упоминает. На предварительном следствии Асхабов не говорил, какой именно рукой Мусаева наносила травмы Абдулхамидову. Свидетель дополнил свои показания прямо в судебном заседании.

Свидетель Шовхалов пояснил, что вечером того же дня, к 19 часам он увидел женщину и участкового Абдулхамидова. Женщина спорила с участковым, а затем схватила за щеку и поцарапала. В данном случае защита обращает внимание суда на время, которое указывает свидетель, он говорит о 19 часах, не упоминая какой-то другой промежуток времени. А в 19 часов, как это установлено материалами уголовного дела, Мусаева все еще была на допросе. Ни о каком падении потерпевшего Абдулхамидова со стула свидетель, также, не упоминает. Также, свидетель пояснил, что в отделе полиции находятся множество видеокамер, но все они работают только в режиме он-лайн трансляции.

Свидетель Муртазов в показаниях указывает, что событие произошло до 19 часов, ориентируясь на построение в отделе, которое происходит ровно в 19, однако защита снова напоминает, что в период с 18 часов 50 минут до 19 часов 10 минут Мусаева все еще допрашивалась следователем в качестве свидетеля. Также, свидетель пояснил, что в отделе полиции находятся множество видеокамер, но все они работают только в режиме он-лайн трансляции.

Защита заявляет, о недопустимости ряда показаний свидетелей, поскольку во многом они основаны на догадках предположениях и слухах. Кроме того, в ходе судебного следствия не были устранены существенные противоречия, которые имелись между показаниями указанных лиц.

Обвинением также представлены показания, свидетелей, не работающих сотрудниками полиции, это свидетели: Татаев, Зибукаев, Магамаев.

Свидетель Зибукаев пояснил, что он не умеет читать, поэтому документы ему читал вслух следователь. В то же время известно, что он якобы ознакомился с протоколом об административном правонарушении в отношении Мусаевой, чтобы «знать, в чем он ставит роспись». Но каким образом он мог это сделать, если не умеет читать — ни следствие, ни обвинение ответов не дает. Этот же свидетель неоднократно утверждал, что поднимался на второй этаж отдела полиции, где была Мусаева. Защита обращает внимание суда на указанные показания, они полностью подтверждают, что Мусаева не была на первом этаже, а находилась в актовом зале.

Свидетель Магамаев пояснил, что он проследовал «в большое помещение, похожее на актовый зал, где был стол и много мягких стульев». В указанном помещении за столом сидела Мусаева. То есть эти сведения, снова подтверждают, что Мусаева находилась в актовом зале, а не в фойе перед дежурной частью отдела полиции.

Свидетель Татаев пояснил, что нанесения каких-либо травм Абдулхамидову он не видел. Однако видел, как Мусаева, находясь возле дежурной части, выражалась грубой нецензурной бранью. Все действия, по словам свидетеля, происходили в фойе. Защита обращает внимание, что данные показания противоречат показаниям обоих понятых, которые указывали на актовый зал на втором этаже.

Сторона защиты исследовала в судебном заседании видеозапись: интервью Мусаевой З.А. уполномоченному по правам человека в Чеченской Республике Солтаеву М.М., записанное и распространенное 21.01.2022 года, из него следует, что Мусаева З.А. находится уже в отделе полиции в г. Грозном и, согласно обстановке, в том самом актовом зале, куда препроводили Мусаеву полицейские. Кроме того, Солтаев М.М. спрашивает как себя с Мусаевой З.А. вел следователь и не сообщает о каком-либо противоправном поведении самой Мусаевой З.А. Таким образом, это интервью было записано уже после **19:10**, то есть после допроса Мусаевой З.А. в качестве свидетеля.

Мы не зря обращаем ваше внимание на время допроса Мусаевой. В протоколе об административном правонарушении указано, что в **19 часов 15 минут** Мусаева, уже выражалась нецензурной бранью в фойе отдела полиции.

Из этого следует только одно — **из исследованных доказательств, и изложенной стороной обвинения версии, нам предлагается поверить в следующий ход развития событий:**

Мусаева после допроса её следователем, который окончен в 19 часов 10 минут, находясь уже не в помещении следственного кабинета, а согласно свидетельствам – в актовом зале, расположенном на втором этаже отдела полиции, дает интервью уполномоченному по правам человека в Чеченской Республике – Солтаеву, а в 19 часов 15 минут уже оскорбляет граждан. Таким образом, она должна была успеть дать интервью, спуститься на первый этаж отдела полиции и начать свое агрессивное и противоправное поведение **всего за пять минут.**

Из показаний сотрудников полиции следует, что в отделе ведется круглосуточное видеонаблюдение, но без записи на жесткий диск. Однако на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок есть информация, что в 2020 году в отделе полиции №1 УМВД России по г. Грозный обслуживалась «система видеонаблюдения HikvisionDS-9664NI-I8», которая согласно своим характеристикам ведет запись на жесткий диск. То есть, к моменту доставления Мусаевой в отдел полиции там полноценно функционировала система видеонаблюдения, которая сохраняла данные с камер системы как минимум 14 дней.

Если бы у следствия стояла задача установить, что в действительности происходило в отделе полиции, то записи были бы изъяты еще до 27 января 2022 года и приобщены к материалам уголовного в рамках доследственной проверки.

Что касается травм, которые, якобы, получил потерпевший Абдулхамидов.

При судебно-медицинском обследовании у потерпевшего Абдулхамидова якобы обнаружены телесные повреждения в виде:

- ссадин левой скуловой области;
- раны левой скуловой области.

Эксперт Мунгиев указал, что указанные травмы можно квалифицировать как легкий вред здоровью. В судебном заседании Ленинского районного суда был допрошен и сам эксперт Мунгиев. В ходе его допроса было выяснено, что им неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования. Также, в его исследовании отсутствовали описания, полученных Абдулхамидовым повреждений, которые бы позволили утверждать о механизме образования этих травм.

Защита обратилась к судебно-медицинскому эксперту Алексею Безбородову, имеющему стаж экспертной работы 27 лет. Судебно-медицинский эксперт в своем заключении пришел к выводу, что полученные Абдулхамидовым телесные повреждения не причинили никакого вреда здоровью, к тому же невозможно достоверно установить и механизм повреждений. Также он подтвердил в суде, что ссадины у Абдулхамидова, не могли образоваться в результате того, что Мусаева якобы схватила его рукой за щеку и предприняла попытку потащить его за собой.

Суд удовлетворил наше ходатайство о повторной экспертизе. Но после назначения производства экспертизы и формулирования вопросов экспертам, суд «добавлял» в материалы дела новые доказательства, допрашивал свидетелей. Сторона защиты категорически возражала против того, чтобы во время производства судебно-медицинской экспертизы в распоряжение экспертов предоставлялись новые доказательства, но не была услышана.

Новое заключение экспертизы, проведенное ГКУ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» качественно не отличалась от уже исследованных заключений эксперта Мунгиева.

В нем также отсутствовала аргументация части выводов, которые крайне важны, для настоящего уголовного дела, ответы на одни и те же вопросы противоречили друг другу, неверно применялась методика экспертного исследования, а нормативная база, для производства экспертиз трактовалась вопреки рекомендациям органов принимавшим её.

Указывая на эти противоречия, защита попросила вызвать в судебное заседание начальника ГКУ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» Чумаков. Эксперт допрашивался два дня — 4 и 5 мая 2023 года. В ходе своего допроса он предложил уже другие ответы на вопросы сторон и суда, которые противоречили тому, что содержалось в тексте и выводах повторной экспертизы.

В частности, эксперт представил единственно-возможный, по его мнению, механизм получения потерпевшим полицейским травм, где Мусаева должна была действовать правой рукой. В тоже самое время, свидетельские показания говорят о нанесении Абдулхамидову травм левой рукой. Защита указывала, что эксперт не учитывает, что полицейский, якобы, сидел, а Мусаева стояла возле него, и то, что предлагал эксперт просто невозможно осуществить в данном положении. Также, эксперт указал на механизм образования травм, при котором потерпевший дважды пытался вырваться из захвата нападавшего на него и только со второй попытки у него это получилось. Однако в результате такого сильного захвата рукой на потерпевшем не осталось характерных для такого воздействия ссадин.

Эксперт постоянно и уверенно указывал на Мусаеву, как на лицо совершившее преступление в отношении полицейского, поскольку под ее ногтями была найдена кровь потерпевшего. Но защита в ходе судебного следствия доказала, что образцы для исследования, давшего такой однозначный ответ о наличии крови

под ногтями Мусаевой, были сфальсифицированы органом предварительного следствия. То, что представлялось на исследование как ногти Мусаевой, не имело к ней никакого отношения.

Исходя из изложенного, в материалах уголовного дела не осталось ни одной обоснованной и допустимой с точки зрения уголовно-процессуального закона судебно-медицинской экспертизы, подтверждающей обвинение Мусаевой.

Таким образом, в обвинении по ч. 2 ст. 318 УК РФ сейчас нет ничего, кроме противоречивых свидетельских показаний, часть из которых недопустима, а часть представлена суду вопреки закону. Из них даже невозможно достоверно говорить о самом событии преступления, которое предполагает под собой достоверное установления времени, места и способа его совершения.